

Заозерский Н. А. О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления: [Рец. на:] Тихомиров Л. А. Запросы жизни и наше церковное управление // Московские Ведомости. 1902. № 343–345; То же отдельно. М., 1902 // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 11. С. 371–393 (2-я пагин.). (Окончание.)

О СРЕДСТВАХ УСИЛЕНИЯ ВЛАСТИ НАШЕГО ВЫСШАГО ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНИЯ.

(Л. Тихомировъ: Запросы жизни и наше церковное управление).

(Окончаніе) ¹⁾.

По существующему устройству, велѣнія высшей церковной власти у насъ непосредственно сообщаются Епархіальному Начальству (Архіерею и Консисторіи). Епархіальное Начальство сообщаетъ ихъ своимъ органамъ: Благочиннымъ церквей и монастырей, настоятелямъ (или причту) соборовъ, церквей и монастырей, эти послѣдніе — своей паствѣ: мірянамъ и монахамъ, *если это будетъ приказано*, или если они сами заблагоразсудятъ это сдѣлать. Правда, Св. Синодъ публикуетъ свои указы и распоряженія въ официальномъ своемъ органѣ—Церковныхъ Вѣдомостяхъ, такъ что каждый грамотный мірянинъ и монахъ могутъ знать ихъ непосредственно. Но во 1-хъ—публикуются далеко не всѣ распоряженія; нѣкоторыя препровождаются только къ начальству конфиденціально или секретно; во 2-хъ и публикуемыя печатно велѣнія приводятся въ исполненіе нисшими органами только по полученіи предписанія ближайшихъ надъ ними начальствъ, а не непосредственно послѣ публикаціи. Такимъ образомъ очень нерѣдко случается, что священникъ приходской церкви принужденъ бываетъ молчать о томъ, что всѣ уже знаютъ, и дѣйствовать *открыто по секретному* предписанію, вызывая общее недоумѣніе — на какомъ основаніи *такъ* онъ дѣйствуетъ.

¹⁾ Богословскій Вѣстникъ, Сентябрь.

Что неизбѣжными спутниками такого устройства и порядка церковнаго управленія являются излишній формализмъ и бумажная волокита, безучастное, а иногда рѣзко враждебное отношеніе управляемыхъ къ управителямъ и церковнымъ пастырямъ, рознь и разобщеніе во взглядахъ на истинно церковные интересы и слабое осуществленіе добрыхъ начинаній, идущихъ сверху, доказывать это — излишне. По самому существу своему весь епархіальный строй у насъ представляетъ систему правительственныхъ учреждений и чиновниковъ дѣйствующихъ замкнуто въ своемъ районѣ и связанныхъ между собою внѣшнею оффиціальною субординаціею. Въ тоже время всѣ они дѣйствуютъ изолированно отъ остальной паствы или „членовъ Церкви“; получается впечатлѣніе такого рода, какъ будто весь епархіальный строй намѣренно преслѣдуетъ *разобщеніе* членовъ Церкви, вмѣсто того, чтобы служить общенію и сплоченію въ единый крѣпкій духовно организмъ.

Епархіальный архіерей представляетъ собою инстанцію особую даже по отношенію къ Консисторіи: съ нею онъ и она съ нимъ сносятся посредствомъ бумагъ, для разборки, а часто и чтенія которыхъ у него — своя канцелярія съ секретаремъ, чиновникомъ VIII класса. Каждый маломальски важный вопросъ церковной жизни консисторія подноситъ архіерею въ формѣ журнала или протокола съ массою относящихся документовъ, образуящую специальное „дѣло“—въ канцелярскомъ смыслѣ. Въ одиночномъ разсмотрѣніи этихъ бумажныхъ массъ и одобреніи или неодобреніи той сочинительской работы надъ ними, которая произведена на соответственномъ столѣ консисторской канцеляріи и состоитъ главная дѣятельность архіерея, какъ администратора, судіи и надзирателя въ епархіи: съ живыми личностями, души коихъ ввѣрены ему какъ архипастырю, и подлинными ихъ дѣяніями онъ, какъ и сама консисторія, непосредственныхъ сношеній, съ глазу на глазъ, не имѣютъ, они имѣютъ дѣло только съ бумагами характеризующими личности съ ихъ дѣяніями. А каковы эти характеристики?! Бываютъ дѣла, которыя сплошь наполнены фантастическими сочиненіями крайне скабрзнаго содержанія, не имѣющими ничего общаго съ содержаніемъ дѣйствительной жизни и характерами лицъ, коихъ они касаются: таковы дѣла о разводѣ брачномъ. Но

Фантастическія сочиненія въ формѣ дѣловыхъ бумагъ встрѣчаются и въ иныхъ сферахъ епархіальнаго управленія, попадаютъ напр. фантастическія жалобы прихожанъ на неспособность священника къ отправленію службы приходской, на основаніи коихъ слѣдуетъ удаленіе его отъ мѣста и замѣщеніе другимъ лицомъ, поражающее какъ неожиданнымъ громомъ и оклеветаннаго священника, и его подлинныхъ прихожанъ.

По официально-схематическому строю вся епархіальная паства, или Церковь, распредѣляется — съ подраздѣленіемъ на „души“ (а не на лица) мужскаго и женскаго „пола“ по „приходамъ“ и „монастырямъ“. Души или лица монашествующія живутъ организованными обществами въ монастыряхъ, Души или лица мірскія „рописаны“ или зарегистрированы за приходами или—канцелярски точнѣе — за „церквями“ и составляютъ quasi — приходскія общества, или „приходы“. Однакоже и de jure, и de facto они — не общества и такими даже не называются; это — „установленія“, „учрежденія“, „сословія“, или просто „мѣста“ епархіальнаго вѣдомства. Настоятель—настоятельница монастыря, равно какъ и причтъ прихода—не члены монастырскаго или приходскаго общества, а чиновники епархіальнаго начальства, его ставленники и агенты, отправляющіе свои функціи на мѣстѣ службы въ союзѣ и по указанію епархіальнаго начальства, иногда по предписаніямъ его „секретнымъ“ и даже „весьма секретнымъ“. Еще въ монастыряхъ въ силу непрерывнаго и продолжительнаго совмѣстнаго сожителства членовъ и начальства бываетъ замѣтенъ и живущъ духъ братскаго общенія, особенно при хорошемъ настоятелѣ: здѣсь образуется общность, солидарность интересовъ — напр. экономическое благосостояніе и внѣшнее процвѣтаніе монастыря. Но въ приходахъ такой солидарности между причтомъ и прихожанами по большей части не бываетъ, да и быть ей трудно. У общества прихожанъ парализованъ интересъ не только къ общецерковнымъ или епархіальнымъ дѣламъ, но даже и къ дѣламъ своего прихода, потому что они не призваны къ управленію ими: управленіе производитъ „причтъ“ по точнымъ предписаніямъ начальства, адресованнымъ только къ нему. Причтъ съ своей стороны также ведетъ себя какъ служебный персоналъ внѣ приходскаго общества стоящій,

какъ случайный пришлецъ, ни на одинъ моментъ не гарантированный отъ возможности перемѣщенія на иное мѣсто по усмотрѣнiю епархіального начальства. „Благоволеніе“ послѣдняго и „благорасположенность“ прихожанъ какъ своихъ кормильцевъ—вотъ практическая задача и забота, снѣдающая и заѣдающая идеальныя стремленія и порывы, къ какимъ необходимо влечетъ высокое пастырское служеніе, ясно сознаваемое и иногда глубоко и близко сердцемъ священника воспринимаемое и переживаемое. Положеніе въ нравственномъ отношеніи весьма тяжелое.....

Посредствующая между епархіальными установленіями и консисторіею инстанція — благочинный предстоить опять какъ нѣчто изолированно дѣйствующее, лавирующее между своими собратіями—лицами причтовъ—и ближайшимъ начальствомъ.

Таковъ механизмъ нашего епархіального управленія — не очень хитрый и сложный, но дов. стойкій.

Естественно спросить: къ чему такая замкнутость и разобщенность, къ чему такое предпочтеніе живаго человѣческаго голоса официальной бумагѣ? Какіе вопросы жизни, какія дѣла разсматриваются и разрѣшаются въ такой тайнѣ, въ такомъ уединеніи, въ такой тиши? Право, можно подумать что наша Церковь въ гоненіи, окружена врагами (со внѣ и согрѣваетъ предателей въ самыхъ нѣдрахъ своихъ, что самая дѣла ея—темныя, дѣла преступнаго сообщества. А между тѣмъ это дѣла господствующей въ государствѣ Церкви, призывающей человѣчество къ небоязненному исповѣданію вѣры во Христа, дѣла—о распространеніи Евангелія во всемъ мірѣ и насажденіи въ сердцахъ человѣческихъ любви къ Богу и ближнимъ, уваженія къ праву и долгу, водворенія дисциплины нравственно-личной, общественной и государственной. Все-дѣла свѣта, не требующія ни тайны, ни разобщенія, нисколько небоязніа открытаго обсужденія и совмѣстнаго дружнаго дѣланія.

Какія же мѣры предпринять для оживленія механизма Епархіального Управленія? Какія реформы потребны для этого?

И на этотъ вопросъ мы отвѣтимъ также, какъ отвѣтили на вопросъ объ улучшеніи высшаго церковнаго управленія: никакихъ реформъ существующаго порядка не нужно, ни-

какой ломки; нужно только пополненіе, или — лучше сказать—призваніе къ жизни полусонныхъ, апатично живущихъ силъ Церкви. Какъ же это сдѣлать? И этотъ вопросъ не заставляетъ насъ изощряться въ изобрѣтеніи какихъ либо оригинальныхъ, новыхъ мѣръ. Вопросъ этотъ уже поставленъ въ нашей литературѣ, нашелъ себѣ весьма серьезныхъ изслѣдователей и критиковъ: имѣемъ въ виду труды г. Папкова, вызвавшего своими изслѣдованіями цѣлую литературу о „возрожденіи прихода“. Вполнѣ сочувствуя идеѣ возрожденія прихода и оставаясь при тѣхъ замѣчаніяхъ, какія нами были высказаны на страницахъ Богословскаго Вѣстника ¹⁾, мы въ настоящее время позволимъ себѣ сдѣлать къ нимъ еще нѣкоторыя дополненія. Возрожденіе прихода, по нашему мнѣнію, не достигло бы того благотворнаго значенія для цѣлой помѣстной Церкви, какое оно несомнѣнно можетъ имѣть, если дѣло ограничивать возстановленіемъ только *особаго автономнаго существованія* приходо^{въ}, какъ *мелкихъ церковныхъ единицъ*. Эти единицы должны быть связаны между собою духовнымъ общеніемъ, духовными интересами: отдѣльныя автономныя общества прихожанъ должны слиться въ обширнѣйшее общество-епархіальное съ центральнымъ пунктомъ—епархіальнымъ архіереемъ. Параллельно съ „приходскимъ собраніемъ“ должно періодически составляться „Епархіальное Собраніе“, имѣя образцомъ для своего устройства „Помѣстный соборъ“ всей русской Церкви.

Возрожденіе прихода, какъ церковнаго общества, важно въ томъ отношеніи, что оно пробудитъ духовный интересъ къ церковнымъ дѣламъ въ мірскихъ членахъ церкви, какъ мужчинахъ, такъ и женщинахъ, какъ богатыхъ, такъ бѣдныхъ, и чрезъ это выведетъ причтъ приходскій изъ изолированнаго положенія, въ которомъ онъ въ настоящее время пребываетъ. Ближайшая область, которая несомнѣнно выиграетъ отъ возрожденія общиннаго устройства приходо^{въ}, это область церковно-экономическая, находящаяся теперь въ самомъ неблагоустроенномъ состояніи и порождающая не мало элементовъ розни и вражды между причтомъ и прихожанами. Прихожане въ настоящее время находятся въ полной неизвѣстности относительно того, сколько дѣйстви-

¹⁾ Богослов. Вѣстникъ 1902 г. Октябрь.

тельно поступаетъ въ церковь доходовъ и сколько церковь расходуетъ и куда. Въ недостаточной извѣстности объ этомъ пребываетъ и Епархіальное начальство и Святыишій Синодъ, хотя для освѣдомленія ихъ ежегодно исписывается очень большая масса бумаги въ видѣ такъ называемыхъ „приходо-расходныхъ книгъ“. Эти послѣднія суть не что иное, какъ ариѳметическія письменныя упражненія, которыя ведетъ за очень умѣренную плату одинъ изъ членовъ причта въ тиши своей келліи, совершенно не справляясь съ наличнымъ состояніемъ прихода и расхода. Бываетъ и такъ, что на нѣсколько приходскихъ церквей работаетъ одинъ писецъ и при томъ съ такою наивною вѣрою въ святость своего труда, что ему и въ голову не приходитъ мысль объ отвѣтственности за сочиняемые имъ фальшивые документы относительно церковной собственности, отвѣтственности, обычно страшной не только для эконома какого-либо общественнаго учрежденія, но даже и для частнаго промышленнаго торговаго дома. Весь причтъ за тѣмъ утверждаетъ своимъ подписомъ эти ариѳметическія упражненія, и за тѣмъ по полугодичьямъ—благочинный. Единственный человѣкъ въ приходѣ, которому хорошо извѣстна дѣйствительность прихода и расхода—церковный староста до того привыкъ считать себя безусловнымъ хозяиномъ церковнаго сундука, что не допускаетъ и мысли о необходимости надъ собой какого-либо контроля. Да и не одинъ онъ; такъ смотрятъ и всѣ прихожане: контроль надъ старостою — провѣрка и учетъ наличныхъ суммъ есть посягательство на честь старосты, тяжкая обида за его безкорыстную службу. Съ спокойною совѣстію онъ подписываетъ сочиненные приходы и расходы, потому что *вездѣ въ церквахъ такъ дѣлается* (и нигдѣ болѣе) слегка протестуя лишь въ томъ случаѣ, если благочинный накинеть по распоряженію начальства или по своему благоусмотрѣнію нѣсколько рублей противъ предыдущаго года.

Мы обращаемъ вниманіе на эту неблагоустроенность церковно-приходскаго хозяйства, явившуюся прямымъ послѣдствіемъ фактически сложившагося церковно-приходскаго уклада, не потому, чтобы на первомъ планѣ ставили финансовыя интересы нашей церкви и еще менѣе потому, чтобы желали выступить съ какимъ-либо остроумнымъ проектомъ лучшаго финансоваго управленія; нѣтъ, мы совсѣмъ далеки

отъ этого. Мы обращаемъ вниманіе на эту область единственно въ *виду глубокаго нравственнаго зла*, которое здѣсь порождаетъ эта неблагоустроенная область. Это зло—сознательная ложь запечатлѣваемая документами, неблаговидныя обвиненія и пререканія между прихожанами и причтами, старостами и благочинными и всею епархіальною администраціею.

А изъ-за чего держится эта ложь съ этими ужасными нравственными послѣдствіями?

Вопросъ этотъ довольно сложный, но намъ кажется, что мы вѣрно можемъ указать тѣ отдѣльные элементы, которые создали и которыми зиждется и охраняется эта ложь.

Во 1-хъ, исторически сложившимся кастово-сословнымъ положеніемъ нашего приходскаго духовенства среди другихъ сословіи государства.

Во 2-хъ, чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ письменнымъ документамъ и недовѣріемъ къ людской совѣсти и живому человѣческому свидѣтельству, какъ характерной чертѣ нашего дѣлопроизводства, гражданскаго и церковнаго.

Въ 3-хъ, узкостью нашихъ церковно-національныхъ воззрѣній на сущность христіанской вѣры какъ только *на обрядѣ*.

Духовенство приходское составляетъ въ настоящее время не только служебное сословіе, но и *соціальное*, въ которое входятъ не только лица служащія церкви, но и ихъ *семейства*. Такъ сложилось и *фактически* существуетъ и *живетъ* оно. Долгое время такъ было и *юридически*. Только въ послѣднюю половину XIX вѣка положеніемъ о духовенствѣ 1879 года семейства духовныхъ лицъ выдѣлены изъ духовнаго сословія или званія въ *соціально*мъ смыслѣ. Но сила жизни, привычка и традиціи еще туго поддаются этому новому и вполне рациональному юридическому укладу. Что въ особенности вредно для чисто церковныхъ интересовъ въ этомъ фактически существующемъ укладѣ и традиціяхъ—такъ это духъ кастичности, силою котораго дѣйствуетъ обычная норма, что поповъ сынъ и самъ долженъ быть попомъ, а каждый иной родъ службы или профессіи для него—ненормальность, какъ таковую же ненормальность составляетъ и поступленіе на духовную службу крестьянина, дворянина или купца. Насколько еще крѣпокъ этотъ духъ — распро-

страняться не стоитъ. Въ связи съ этимъ фактомъ связывается еще другой уже болѣе зловредный, а именно: въ самомъ духовенствѣ крѣпко убѣжденіе, что не только служба церкви, но и самая церковь есть какъ бы исключительно ему принадлежащая область, на его попеченіи она существуетъ, оно призвано къ исключительной отвѣтственности за нее—и это какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Это убѣжденіе раздѣляется и нашими мірскими членами церкви. Различіе только въ томъ, что духовенство мыслить церковь объектомъ и своего сословнаго права и своей обязанности, а мірскіе члены церкви усвояютъ духовенству только обязанность попеченія о церкви и исключительную отвѣтственность за ея благосостояніе, а что касается правъ на нее, то тутъ нѣтъ единодушія, особенно въ последнее время. Если церковь (въ матеріальномъ смыслѣ—храмъ) плоха—не исправно ремонтируется, небрежно, нечистоплотно содержится, неблаголѣпна — виновать попь. Если прихожане—міряне плохо ведутъ себя въ нравственномъ отношеніи, рѣдко посѣщаютъ церковь, невѣжественны въ религіозномъ отношеніи, безнравственны въ поведеніи—виновать попь. Если они замѣчаютъ, что „попь“ или другіе члены причта—повинны въ этихъ грѣхахъ, или дѣти, семейства духовныхъ лицъ ведутъ одинаково съ мірянами грѣшный образъ жизни, то на эти явленія перстомъ указывается, какъ на безобразія, на отвратительныя явленія. Судъ въ этихъ случаяхъ бываетъ безпощаденъ и суровъ, самимъ же судьямъ—таковымъ же грѣшникамъ, а то еще и злѣйшимъ, и въ голову не приходитъ помыслить: „да вѣдь и они—не лучше, вѣдь и они не должны бы этого дѣлать“. Совершенно наоборотъ: въ совѣсти судей непреложно господствуетъ норма; „вѣдь я не попь, я не готовилъ себя къ духовному знанію; мнѣ все возможно и позволительно“.

Повышеніе общехристіанскихъ нравственныхъ обязанностей для духовенства и пониженіе для себя—поразительное. Иное дѣло относительно правъ церковныхъ. Здѣсь претензіи и притязанія мірянъ доходятъ иногда до крайностей. Особенно характерно они проявляются въ старостахъ — богачахъ или кулакахъ. Староста—„хозяинъ“ церковнаго имущества, „благодѣтель“ причта и прихожанъ, *безвозмездно* имъ служащій,

и въ то же время безконтрольный и ни предъ кѣмъ не отвѣтственный. Онъ только распоряжается и приказываетъ, а *отвѣчаетъ* причтъ. Мѣропріятія, доселѣ предпринимавшіяся къ тому, чтобы хоть сколько нибудь регулировать эти претензіи не привели ни къ чему. Пререканія между причтомъ и такого рода типичными старостами—весьма обыкновенны и—что замѣчательно—прихожане въ большинствѣ такихъ случаевъ становятся на сторонѣ старосты по глухому но весьма живучему кастовому инстинкту — „староста де нашъ, а попы — намъ чужіе“. При обычной такимъ мірянамъ малограмотности формальная письменная отчетность хотя бы въ видѣ прошнурованныхъ приходо-расходныхъ книгъ да награды начальства за усердіе—доселѣ единственныя средства обузданія безграничныхъ претензій. Не лучше бываетъ иногда отношеніе къ причту и интеллигентныхъ прихожанъ, хотя, разумѣется, форма выраженія притязаній и претензій здѣсь иного рода. Возможны, понятно, и обратнаго рода явленія: взявшій силу „батюшка“ благодаря счастливо сложившимся экономическимъ обстоятельствамъ и имѣя „заручку“ у начальства—знать ничего не хочетъ въ своемъ приходѣ, кромѣ своего грубо самовластнаго, а иногда крайне корыстолюбиваго и сластолюбиваго „я“.

Кастовосословное положеніе духовенства особенно даетъ себя знать въ вопросахъ о содержаніи духовноучебныхъ заведеній. Эти учрежденія мыслятся у насъ не какъ *общецерковныя учрежденія для подготовки кандидатовъ на клирическую службу*, а какъ сословныя учрежденія, назначенныя *спеціально для дѣтей духовенства*. Это воззрѣніе порождаетъ слѣдующіе весьма гласно высказываемые выводы: семинаристъ по окончаніи курса долженъ непременно идти или въ монахи или въ священники: иначе онъ измѣняетъ своему призванію, да и никуда болѣе негодится. б) Такъ какъ духовное званіе—по существу своему—обязываетъ къ примѣрному трудолюбію, смиренію, высокой аскетической нравственности, то и школы духовно-учебныя должны отличаться этими качествами—бѣдность не только обстановки, но даже и научно воспитательныхъ требованій—вотъ что должно служить отличительнымъ характеромъ этихъ школъ. Къ чему семинаристу многознаніе и многоученость, видная и приличная, а тѣмъ болѣе комфортабельная обстановка? Вѣдь его при-

звание—жить среди бѣдности и горя... Это соображеніе подкрѣпляемое еще болѣе другимъ, что главный источникъ содержанія духовныхъ школъ—церковные доходы—кружечные и свѣчныя,—нѣкоторыхъ ревнителей благочестія приводитъ уже прямо къ патетическимъ восклицаніямъ, въ родѣ такого „нынѣ на эти святые деньги въ духовныхъ школахъ заводятся рояли, совсѣмъ погнбло древнее благочестіе, которому учили насъ отцы и дѣды!“...

При такой то социальнокастичной враждѣ единицъ, составляющихъ приходъ, епархію и цѣлую церковь нашу—возможно ли обойтись безъ твердой чисто бюрократической системы епархіального и окружнаго церковнаго управленія? Нѣтъ не возможно. Она и должна оставаться, пока существуетъ эта вражда, но отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы не нужно было принимать мѣръ къ *ослабленію* этой вражды политикой иного рода. Возрожденіе прихода есть одно изъ средствъ къ *ослабленію* этой вражды, но объ этомъ послѣ.

Что улучшеніе способа веденія церковно-приходской отчетности необходимо—это не нуждается въ доказательствахъ. Какъ произвести это улучшеніе—опять мы не будемъ распространяться. Желательно съ нашей стороны выставить на видъ одно опущеніе, на которое во многихъ мѣстахъ не обращается вниманія. Это—отсутствіе исправнаго веденія *описи* церковной утвари, иконъ и ризницъ. Благодаря этому опущенію въ церквахъ, особенно сельскихъ, исчезаютъ многія очень цѣнныя въ историческомъ и археологическомъ отношеніи вещи, или старыя замѣняются новыми—совершенно нераціонально и безвкусно (въ стильномъ, эстетическомъ отношеніи). Въ связи съ этимъ опущеніемъ стоитъ другое. При смѣнѣ священниковъ и старость у насъ обыкновенно не соблюдается правило—преемнику принимать наличность церковныхъ вещей по описи. Принимаются по описи только наличныя деньги и цѣнныя бумаги; что же касается прочаго иногда драгоцѣннаго имущества—на него не обращается вниманія. Но одного улучшенія письменной отчетности въ веденіи церковнаго хозяйства далеко не достаточно для радикальнаго его исправленія. Радикальною мѣрою для этого послужить привлеченіе къ участию въ немъ приходскаго общества—т. е. всѣхъ возрастныхъ и полныхъ правныхъ прихожанъ. Желательно поставить дѣло такъ,

чтобы имущественные интересы приходской церкви лежали близко къ сердцу не причта и старосты только, но всего прихода, чтобы и отвѣтственность за цѣлость церковнаго имущества, за законное пользованіе имъ возлагаемо было опять таки на весь приходъ, а не на священника и старосту какъ это ведется доселѣ.

Эта цѣль и достигнута будетъ „возрожденіемъ прихода“, какъ мелкой церковнообщественной единицы.

Но, какъ мы замѣтили выше, особое автономное существованіе приходовъ не объединяемыхъ между собою духовною связью подъ главенствомъ Епархіальнаго архіерея и его администраціи — дѣло немислимое и можетъ повести церковную жизнь не къ улучшенію, а прямо къ ухудшенію. Особое автономное существованіе приходовъ можетъ легко привести прихожанъ къ мысли о *самодовлѣтельности каждаго отдѣльнаго прихода*, каковая не замедлитъ выразиться въ формѣ грубоэгоистичнаго отношенія къ общепархіальнымъ и общецерковнымъ интересамъ. Приходъ — по этому грубоэгоистическому воззрѣнію—существуетъ только для себя: онъ есть достояніе прихожанъ, а ни для кого и ни для чего иного. Разъ укрѣпится и будетъ возрастать въ сознаніи такое воззрѣніе, легко зародится чувство ревности одного прихода къ другому, возникнетъ конкуренція и вражда. Въ зародышѣ подобныя отношенія можно наблюдать и въ настоящее время, а съ дарованіемъ приходамъ автономнаго управленія они несомнѣнно окрѣпнутъ и обострятся. Зловредныя послѣдствія такихъ отношеній, вообще не терпимыхъ съ христіанской точки зрѣнія, обнаружатся и въ самомъ строѣ каждаго приходскаго общества—въ пререканіяхъ между причтомъ и мірянами. Ближайшею причиною такихъ пререканій будетъ глубоко укоренившійся въ нашемъ мірскомъ обществѣ взглядъ на церковь какъ на учрежденіе *только для молитвы и обряда*. Эта узкость нашихъ воззрѣній—наша характерная національная черта. Всѣ свои обязанности и обязательства по отношенію къ церкви мы практически сводимъ къ этому узкому воззрѣнію. Все понятіе „церковности“ у насъ покрывается внѣшнею обрядностью. Кто у насъ „церковный человѣкъ“?—Тотъ, кто часто ходитъ въ церковь, исполняетъ тщательно обряды въ храмѣ и на дому и все. Въ чемъ состоитъ процвѣтаніе церкви? Во мно-

жествъ храмовъ, роскошно украшенныхъ, въ продолжительности и истовости Богослуженія, въ золоченыхъ главахъ храмовъ, большихъ колоколахъ, хорошихъ басистыхъ дьяконахъ и пѣвческихъ хорахъ, и роскошной ризницѣ, дорогихъ окладахъ на иконахъ и толстыхъ восковыхъ свѣчахъ. Кто хорошій священнослужитель? Тотъ, кто имѣетъ хорошую осанку, или „выходку“, хорошій голосъ, манеры, громко и внятно читаетъ и поетъ, уставно ведетъ порядокъ службы и церковный ритуаль. Далѣе этого наши требованія найдутъ; это—верхъ нашихъ желаній, и разъ все обстоитъ въ этомъ отношеніи благополучно—мы съ покойною совѣстію складываемъ руки и говоримъ: „слава Богу, все сдѣлано; желать больше нечего“.

Представьте теперь, что приходы наши возстановлены, какъ самоуправляющіяся церковныя общества, и что большинство членовъ этихъ обществъ питается идеею самодовлеемости своего бытія, причемъ всѣ заботы о приходѣ сосредоточиваются на внѣшнемъ и внутреннемъ благолѣпіи храма и церковной службы. Что изъ этого выйдетъ? Только состязаніе между приходами на счетъ благолѣпія. А какъ далеко можетъ дойти это состязаніе — судить можно и по существующей наличности. У насъ въ одной епархіи, на небольшомъ районѣ ея существуютъ рядомъ приходскія храмы, изъ коихъ одинъ поражаетъ благолѣпіемъ, другой убожествомъ; одинъ ремонтируется каждый годъ, перекрашиваясь въ разные колера, и сверхъ того владѣетъ неоскудѣвающими—„секретными“ суммами, другой еле влачитъ свое жалкое существованіе, едва—едва въ состояніи уплачивать 25⁰/₀-ную и другія подати на общецерковныя и епархіальныя нужды.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы и настаиваемъ на мысли, что возрожденіе приходовъ только при томъ условіи приведетъ къ благимъ послѣдствіямъ, если они будутъ считать себя не самодовлѣющими единицами, а малыми органами въ цѣломъ организмѣ—Епархіи и будутъ жить и дышать какъ своею особою такъ и общепархіальною жизнію. Въ настоящее время таковая внутренняя духовная связь между приходомъ и епархіею существуетъ и сознается только приходскимъ духовенствомъ; церковная норма состоитъ въ томъ, чтобы эта связь живо сознавалась

и поддерживалась каждымъ приходомъ *in toto*—цѣлымъ приходскимъ обществомъ.

Что же нужно сдѣлать, чтобы сознавалась и дѣйствовала эта норма?

Отвѣтъ простой: наряду съ епархіальною правительственною организациею долженъ существовать органъ общественно-епархіальнаго управленія—ежегодное „Епархіальное собраніе“. Оно должно служить живымъ органомъ чрезъ который будутъ публиковаться велѣнія высшей церковной власти, доходя до крайнихъ точекъ церковнаго организма—приходскихъ обществъ и единицъ, ихъ составляющихъ, и чрезъ который обратно будутъ восходить голоса этихъ единицъ къ центральной церковной власти. Для осуществленія этого назначенія въ составъ „Епархіальнаго собранія“ должны входить тѣ же церковно-общественные элементы, что и въ составъ помѣстнаго собора, т. е. представители меньшихъ церковныхъ обществъ—монастырей и приходовъ, съ епархіальною іерархіею во главѣ. Самымъ простымъ способомъ опредѣленія числа членовъ Епархіальнаго собранія было бы назначеніе отъ каждаго прихода двухъ лицъ—духовнаго и свѣтскаго (отъ монастыря достаточно одного) но при обширности и численности нашихъ епархій такой способъ привелъ бы къ чрезвычайной сложности состава членовъ Епархіальнаго собранія. Наши епархїи имѣютъ иногда болѣе 1000 приходовъ. Во избѣжаніе такой громадности состава и неудобной, да по существу дѣла и ненужной, можно принять иной способъ, именно взять въ образецъ всюду практикуемые сѣзды духовенства, члены коихъ избираются по благочиніямъ или по десяткамъ—примѣрно по два отъ благочинія. Полагая среднее число приходовъ епархїи въ 900, а благочинія—въ 15, мы получимъ довольно умѣренное количество представителей отъ приходовъ въ 120 членовъ. Его и будетъ достаточно, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Предметами засѣданій Епархіальнаго Собранія должны служить какъ важнѣйшія дѣла общаго характера, такъ и мѣстнаго, а именно:

1) Здѣсь должны быть торжественно прочитываемы опредѣленія Помѣстнаго собора и по крайней мѣрѣ важнѣйшія законодательныя постановленія касательно Церкви, вновь издавныя.

2) Весьма полезно было бы прочитывать хотя въ извлеченіяхъ отчетъ объ общемъ состояніи епархіи, съ подробнымъ по возможности извѣщеніемъ объ особыхъ выдающихся явленіяхъ положительнаго или отрицательнаго характера. если такія окажутся.

3) Но съ особеннымъ вниманіемъ должны быть разсматриваемы тѣ вопросы чисто практическаго характера, для которыхъ созываются въ настоящее время съѣзды духовенства, а именно вопросы а) о средствахъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ, и б) вопросы о правильной раскладкѣ церковныхъ податей и разныхъ сборовъ на содержаніе этихъ заведеній и разныхъ учрежденій миссіонерскихъ и благотворительныхъ.

Какъ было выше сказано, духовно учебныя заведенія у насъ трактуются не какъ общепархіальныя а какъ сословныя учрежденія, посему и вопросы о содержаніи ихъ разсматриваются только духовенствомъ на съѣздахъ, и имъ устанавливаются налоги съ приходскихъ церквей. И вотъ—въ нашемъ православномъ обществѣ жалобы—что церковныя деньги идутъ на образованіе поповскихъ дѣтей. Какія несправедливыя и глупыя жалобы! Кажется ихъ не слышится нигдѣ, ни въ какой странѣ, кромѣ нашей православной Россіи. Напротивъ вездѣ забота о лучшей постановкѣ духовноучебныхъ заведеній, какъ имѣющихъ задачею—подготовить достойныхъ служителей церкви, почитается самою первою и священною заботою всей церкви. Духовноучебныя заведенія должны быть поставлены лучше всѣхъ другихъ, а не хуже, какъ это наблюдается у насъ. Тотъ фактъ, что они наполняются у насъ главнымъ образомъ, едва ли не исключительно, дѣтьми духовныхъ лицъ свидѣтельствуется не о чемъ либо другомъ, а именно о томъ, что послѣднія наиболѣе способны, сравнительно съ дѣтьми прочихъ сословій, усвоить предметы богословскаго знанія, и что только крайняя необходимость заставляеть ихъ идти въ эти худшія школы, *предпочитая имъ лучшія*. Не будь этой необходимости наши духовноучебныя заведенія или бы совершенно запусѣли, или бы сѣзили весьма значительно свои программы, понизили уровень научнобогословскихъ требованій.

Пора же сознать, что забота о лучшей постановкѣ ду-

ховноучебныхъ заведеній есть не исключительная забота духовенства, а общецерковная забота, предметъ обсуждения не *сътздовъ духовенства*, а—общеепархіального собранія.

Однимъ изъ важныхъ вопросовъ Епархіального Собранія, стоящимъ въ связи съ общимъ вопросомъ о духовноучебныхъ заведеніяхъ и церковно приходскихъ школахъ намъ представляется вопросъ о наиболѣе правильной и справедливой раскладкѣ по приходскимъ церквамъ и монастырямъ податей или процентныхъ обложеній, идущихъ специально на духовноучебныя заведенія. Принятая въ настоящее время система *равноотрнаго* процентнаго обложенія для бѣдныхъ церквей, или приходовъ весьма обременительна и несправедлива. По этой системѣ церковь получающая 1000 р. дохода несетъ одинаковуя 25⁰/₀-ую тягость обложенія съ церковью получающею 100 р. дохода: первая выдѣляя изъ своего дохода 250 р. оставляетъ у себя 750 р. вторая отъ своей единственной сотни принуждена выдѣлить 25 р. и оставить у себя 75 р. Чѣмъ же ей содержаться? Не было бы ничего несправедливаго такіа бѣдныя церкви совсѣмъ освободить отъ всякаго обложенія. Если же это покажется слишкомъ не обычнымъ для современнаго церковнаго сознанія, то пусть будетъ уменьшенъ по крайней мѣрѣ процентъ для бѣднѣйшихъ церквей и увеличенъ для богатыхъ примѣрно въ такой послѣдовательности:

съ церкви получающей	100	взирать	5 ⁰ / ₀
”	”	200	” 6 ⁰ / ₀
”	”	300	” 7 ⁰ / ₀
”	”	400	” 8 ⁰ / ₀
”	”	500	” 9 ⁰ / ₀
”	”	600	” 10 ⁰ / ₀

и т. д.

Общій итогъ процентнаго сбора отъ такой раскладки не уменьшится, а пожалуй увеличится, а между тѣмъ тягость уплаты для бѣдныхъ церквей весьма облегчится.

Само собою разумѣется, что Св. Синодъ и Епархіальное начальство могутъ указывать и другіе вопросы и предметы для обсуждения на Епархіальныхъ собраніяхъ.

Не лишнимъ было бы постановить общимъ правиломъ, чтобы Епархіальное Собраніе составлялось непременно при вступленіи на паству вновь рукоположеннаго, или назна-

ченнаго на Епархію преосвященнаго: въ этомъ собраніи онъ увидѣлъ бы сразу всю свою паству въ маломъ видѣ: кафедральный соборъ явился бы тогда мѣстомъ собранія всей Епархіальной церкви.

Здѣсь мы и закончимъ наши соображенія о пополненіи существующей системы нашего епархіального и приходскаго управления. Мы не предполагаемъ возможнымъ, чтобы нашлись возражатели противъ законности и плодотворности такого пополненія. Но мы имѣемъ серьезныя основанія опасаться другого болѣе сильнаго врага для проектируемыхъ нами улучшеній... Этотъ врагъ—апатичность нашего общества къ интересамъ церкви, привычка сваливать всю заботу о церкви на начальство и пастырей церкви, непониманіе того вреда, который наносится существующимъ разобщеніемъ въ церковной жизни личной, семейной и общественной нравственности и какія удобства такую апатію и разобщенностью мы доставляемъ враждебнымъ Церкви силамъ—сектантству и невѣрію плодиться и размножаться и въ сосѣдствѣ съ церковью и въ ней самой. Мы иногда съ ужасомъ узнаемъ, какъ быстро они плодятся, какъ они стойки въ состязаніяхъ съ нашими „борцами“—миссіонерами и ничего не можемъ придумать лучшаго, какъ хлопотать объ усиленіи средствъ чисто внѣшней борьбы съ ними. Предоставивъ все дѣло защиты Церкви и обращенія на путь истины заблудшихъ и колеблющихся этимъ отдѣльно дѣйствующимъ борцамъ, мы сами не только не принимаемъ никакого участія въ дѣлѣ этой защиты и въ дѣлѣ этого обращенія, но даже и не знаемъ, гдѣ наше истинное и вѣрное оружіе для этого, гдѣ найти это оружіе, противъ кого и какъ имъ дѣйствовать, не попытаемся тщательно провѣдать и испытать, кто врагъ, кто другъ нашъ. А между тѣмъ какъ близко къ намъ это оружіе, какъ не сложны средства узнать достоверно друзей и враговъ нашихъ. Гдѣ же они и что такое они? Отвѣчаемъ двумя словами: это оружіе—самоисправление, эти средства—наша сплоченность вмѣсто разобщенія, доселѣ господствующаго среди насъ. Этимъ оружіемъ и этими средствами дѣйствуютъ враги церкви—и производятъ внѣ и среди ея—опустошенія, насъ ужасающія. Они дѣйствуютъ внутренне сплоченно между собою, хотя внѣшее бываетъ трудно усмотрѣть эту сплоченность. Между собою они

искренни и довѣрчивы, нѣтъ между ними тайнъ, ихъ вожди дѣйствуютъ безъ конфиденціальныхъ или секретныхъ предписаній—для своихъ. Мы-члены Церкви стоимъ единицами, или маленькими кучками, внутренне между собою не связанными; между собою мы замкнуты и секретничаемъ, оставляя двери настежь въ нашъ „дворъ овчій“ для всѣхъ кому угодно войти въ него. И какъ часто случается, что именно наши враги освѣдомлены въ совершенствѣ объ истинномъ положеніи нашихъ дѣлъ, а мы сами созерцаемъ только тщательно исполненныя „формы“ и говоримъ съ утѣшеніемъ: „у насъ, слава Богу, все благополучно; наша взяла“!..... Разобщенное и исключительное дѣйствованіе іерархіи и церковнаго начальства, съ одной стороны, а съ другой—пассивное дреманіе мірянъ—такой нынѣ существующій de jure церковный строй рѣшительно не соотвѣтствуетъ современному положенію вещей. Онъ былъ пригоденъ нѣкогда, именно тогда, когда громадная масса мірянъ была пассивна не въ церковномъ только, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ и сферахъ жизни, хотя достопримѣчательно, что тогда въ церковномъ-то отношеніи она проявляла еще и могла проявлять нѣкоторую инициативу и энергію. Теперь нашъ общественный строй, наши отношенія радикально измѣнились, соотвѣтственно имъ долженъ измѣниться и церковный строй.

Вся Русь покрылась школами и гражданскими и церковными и на мѣстѣ громадной безграмотной массы крестьянства, мѣщанства и купечества явилось поколѣніе индивидуумовъ, грамотныхъ, читающихъ все, что попадетъ подъ руку, размышляющихъ, обсуждающихъ, дѣйствующихъ совершенно активно и самостоятельно не только отъ воли родительской, барской и начальственной, но нерѣдко вопреки, въ явный разрѣзъ съ вѣковѣчными устоями вѣры, морали права, несокрушимой, казалось, силы народныхъ обычаевъ и традицій. Въ интеллектуальномъ отношеніи это поколѣніе несравненно сильнѣе своихъ отцовъ, хотя—по всей вѣроятности—много безнравственнѣе: вѣдь не напрасны же жалобы, что у насъ всюду наступило шатаніе нравовъ—встѣдствіе этого старики и защищаемые ими, часто весьма драгоценные, нравственные устои—не въ силахъ выдержать борьбы съ новымъ поколѣніемъ и его нравственною разнузданностью.

Конечно и впредь дѣло пойдетъ въ томъ же направленіи. Пассивность массы будетъ улечуваться все болѣе и болѣе, быстрѣе и быстрѣе, уступая мѣсто индивидуальной активности и розни въ массахъ нарождающихся поколѣній.

Что же? Нужно ли пассивно ужасаться такой перемѣнѣ вещей, вздыхать о невозвратно исчезнувшемъ старомъ добромъ времени и безпомощно опускать руки?—Да не будетъ сего! Православной Церкви нѣтъ основаній для такого пессимистическаго настроенія. Мы убѣждены, напротивъ, что ее ожидаетъ лучшее отъ этого измѣнившагося порядка вещей. Нужно только не важное существенно видоизмѣненіе въ своей внѣшней одеждѣ, нужно отложить старую, сдѣлавшуюся тѣсною и ветхою и облечься въ болѣе крѣпкую и удобную.

Это убѣжденіе находитъ себѣ опору—независимо отъ сущности своей—даже и въ нѣкоторыхъ уже народившихся благоприятныхъ явленіяхъ нашей церковной жизни, а именно:

1) Значительный успѣхъ нашихъ церковно-приходскихъ школъ въ ихъ конкуренціи съ гражданскими или земскими,—успѣхъ поразительный, если принять во вниманіе разность во внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ приходилось и приходится конкурентамъ дѣйствовать. Для земскихъ школъ эти условія несравненно болѣе благоприятны: они и богаче обезпечены, и въ методическомъ отношеніи лучше бывають иногда поставлены и пользуются сочувствіемъ интеллигенціи. И однакоже—церковныя школы не только успѣшно конкурируютъ, но и болѣе симпатичны и родителямъ и учащимся дѣтямъ. На чемъ же основывается ихъ этотъ успѣхъ? Въ чемъ ихъ сила? Да въ томъ, что онѣ даютъ не только образованіе, обученіе грамотѣ, но и *воспитываютъ*, внушаютъ моральныя обязанности, которыя на дѣлѣ и выполняются, а земскія — не исполняютъ этой задачи, да и исполнить ее не могутъ, если ихъ сдѣлать *въ точномъ смыслѣ земскими или гражданскими*.

Какъ же идетъ эта воспитательная часть въ церковныхъ школахъ? Слѣдующимъ дов. не хитрымъ способомъ. Здѣсь дано главное мѣсто изученію закона Божія, т. е. изученію языка, на которомъ изложенъ законъ Божій и свящ. книги христіанскаго православнаго Богослуженія; здѣсь введено обязательное посѣщеніе учениками вмѣстѣ съ учителемъ

приходскаго храма, съ дѣятельнымъ участіемъ школьниковъ въ Богослуженіи — чтеніи, пѣніи и даже прислуживаніи священнику въ алтарѣ. Дѣти такимъ образомъ становятся болѣе дѣятельными членами религіозно-приходской жизни, чѣмъ—отцы и матери. Здѣсь такимъ образомъ не только теоретически усвоятся, но и практически осуществляются хотя нѣкоторыя заповѣди Закона Божія. Выкиньте этотъ элементъ изъ народной школы, освободите ее отъ „поповской опеки“, сдѣлавъ ее чрезъ это чисто гражданскою или чисто земскою и—что получится? Получится именно образовательная школа безъ всякаго воспитанія: ибо *безъ церкви чѣмъ* нашему гражданскому учителю воспитывать школьниковъ своихъ?—Литературою и театромъ? Но театры пока еще не устроены по деревнямъ и городамъ въ достаточномъ количествѣ, да и едва ли найдется много защитниковъ именно морализующаго ихъ вліянія на дѣтей, а моральные принципы корифеевъ текущей литературы—Л. Толстого, М. Горькаго, Новаго пути и т. д. все еще не вполне уяснились и опредѣлились въ головахъ самихъ авторовъ и тѣмъ болѣе ихъ читателей, такъ что бремя моральнаго гражданскаго воспитанія не по плечу и не по головѣ никакому земскому учителю. Такимъ образомъ силою вещей и вышло, что и земская школа лишь по столько воспитываетъ, по сколько сближается съ церковной, безъ этого же сближенія она—силою вещей—обречена на вымираніе.

Остается, пожелать, чтобы и матеріально церковныя школы не только сравнялись но и превзошли земскія во внѣшней благоустроенности и обеспеченіи: это — важнѣйшая задача возрожденнаго прихода...

2) Вторымъ благопріятнымъ въ современной жизни явленіемъ служатъ *церковныя собесѣдованія* положительнаго и полемическаго характера. Они настойчиво предписываются и поощряются церковною властію и весьма охотно посѣщаются народомъ—и должно это отмѣтить—не довольно охотно ведутся нашими священниками. Что же служить предметомъ собесѣдованій?—Предметомъ перваго рода собесѣдованій **служать** по большей части темы догматическаго, нравственнаго и библейскоисторическаго характера; предметами втораго рода (главнымъ образомъ въ бесѣдахъ съ старообрядцами и разными сектантами) темы литургическаго и даже церковно-

устройственнаго характера. Эти послѣднія ведутся съ большимъ интересомъ и оживленіемъ, чѣмъ первыя. Чѣмъ же это объясняется, а также и то, почему наши священники не особенно охотно ведутъ собесѣдованія, и именно перваго рода? Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ: собесѣдованія перваго рода безжизненно и вяло ведутся потому, что не ясно сознана ихъ цѣль и задача. Повидимому вся ихъ задача ограничивается *обученіемъ* вѣрѣ и нравственности. Это обученіе ведется къ тому же не методически (да методика здѣсь едва ли и возможна), а случайно — бесѣда предлагается о томъ, что случайно взбредеть на мысль, и ведется при томъ слишкомъ отвлеченно, безъ жизненныхъ поводовъ и безъ примѣненія къ насущнымъ практическимъ запросамъ жизни. Что же требуется отъ священника, чтобы оживить это собесѣдованіе? Намъ думается, что уже простая перемѣна темъ послужила бы дѣлу оживленія и интереса церковныхъ собесѣдованій. Отчего не превратить этихъ учительныхъ отвлеченныхъ церковныхъ собесѣдованій, весьма полезныхъ для *стѣтей*, но скучноватыхъ для взрослыхъ, въ церковно-приходскія дѣловыя собесѣдованія? Темъ нашлось бы здѣсь не истощимое множество. Намѣтимъ нѣкоторыя: 1) исторія приходскаго храма и прихода. При изложеніи первой весьма полезно указать на выдающіяся детали въ обстоятельствахъ построения храма (если таковыя есть), на особенности архитектуры, на какія либо отдѣльныя вещи—иконы, утварь, старинныя книги или рукописи, памятники и т. п. Въ исторіи прихода весьма полезно и интересно было бы сообщить свѣдѣнія о лицахъ причта и мірянъ, такъ или иначе, хотя бы даже и отрицательно, оставившихъ по себѣ память въ приходѣ. Тактичный священникъ и въ отрицательныхъ явленіяхъ церковной жизни можетъ отыскать и предложить назидательный урокъ. Еще болѣе благодарныя темы можетъ доставить современная дѣйствительная жизнь прихожанъ, т. е. тѣ получившія огласку событія въ ихъ быту или какія либо жизненно практическіе вопросы, о которыхъ говорится гласно, которые составляютъ такъ сказать — злобу дня. Отчего священнику не попытаться освѣтить ихъ во время собесѣдованія съ точки зрѣнія православно-церковной морали и высказать свой взглядъ въ возможно ясной, категорической и

конкретной формѣ? Правда, это очень трудно сдѣлать, но трудно, если браться за дѣло зря, необдуманно и безъ всякихъ пособій. Намъ думается, что православная русская церковь обладаетъ для этого дѣла великолѣпными пособіями въ видѣ четырёхъ-миней св. Димитрія Ростовскаго и прологовъ, а также нашихъ богослужебныхъ книгъ, особенно „миней“. Стоитъ только священнику самому тщательно вчитаться въ эту не очень обширную бібліотеку. Вѣдь это—не иное что, какъ православный иллюстрированный катихизисъ, и наше иллюстрированное нравственное богословіе. И какая иногда живая, авторитетная, художественная и остроумная иллюстрація встрѣчается здѣсь! Да, повидимому, стоитъ обратить вниманіе на этотъ источникъ катихизическаго и моральнаго назиданія, такъ обычный древности, и современному пастырю...

Отчего, наконецъ, не взять темою для церковнаго собесѣдованія и прямо таки какой-либо дѣловой приходскій вопросъ — ремонтъ храма, школы, дѣло призрѣнія бѣдныхъ, устройство церковнаго пѣвческаго хора, мѣры огражденія противъ сектантства, безнравственности и проч.

3) Но самымъ благопріятнымъ общественнымъ настроеніемъ, характеризующимъ наше время, служить всюду замѣчаемое стремленіе къ соцированію отдѣльныхъ лицъ въ общества и союзы для достиженія какой либо общей цѣли. Наше время есть время обществъ. Разныхъ „обществъ любителей“ просвѣщенія, взаимопомощи, покровительства, трезвости, пѣнія, чтенія, музыки и т. д. нѣсть числа. Они постоянно и всюду возникаютъ, растутъ крѣпнуть, процвѣтаютъ; иные же возникнувъ, скоро исчезаютъ, лопаются какъ мыльные и дождевые пузыри, но лишь для того, чтобы дать мѣсто другимъ. Порядочному человѣку приходится просто иногда не въ моготу отъ участвованія въ этихъ разныхъ обществахъ, то „членскими взносами“, то присутствованіями въ „засѣданіяхъ“, „коммиссіяхъ“ и „подкоммиссіяхъ“.

Безъ всякаго сомнѣнія такое настроеніе есть отрадное знаменіе времени. Оно неопровержимо свидѣтельствуетъ о наличности въ наше время значительной массы нравственныхъ личностей, коихъ не удовлетворяютъ одни грубо-эгоистическія вожделѣнія, но которыя одушевлены альтруистическими стремленіями и настолько тверды характеромъ и

тактичны, что не только лично жертвуютъ на общее благо своимъ трудомъ и достатками, но способны воодушевлять и поддерживать другихъ, менѣе ихъ сильныхъ въ этихъ отношеніяхъ личностей. Но странное дѣло, наша Православная Церковь по всему существу своему представляющая неисчерпаемый и всегда текущій источникъ ассоціирующей духовно-нравственной силы, производящая изъ себя великое множество братствъ и обществъ до „хоругвеносцевъ“ включительно—менѣе всего *въ своей организаціи, въ своемъ устройствѣ* даетъ мѣста общественному элементу. Даже въ самомъ законодательствѣ нашемъ (конечно государственномъ, а не церковномъ) Церковь православная мыслится то какъ „вѣра православная восточнаго обряда“—т. е. какъ сводъ догматическихъ, нравственныхъ и литургическихъ опредѣленій и правилъ, то какъ „вѣдомство православнаго исповѣданія“ т. е. какъ система правительственныхъ учреждений, съ подвѣдомымъ каждому кругомъ лицъ, но нигдѣ не называется обществомъ лицъ связанныхъ единствомъ вѣры и единствомъ обязанностей ея исповѣданія. А между тѣмъ по канонической нормѣ все ея устройство, внѣ ея дѣйствія, всѣ детали ея учреждений проникнуты сплошь общественнымъ характеромъ. Не даромъ же и всѣ канонисты православные и католическіе въ одинъ голосъ утверждаютъ, что все церковное право, т. е. каждое въ частности „право“ и каждая въ частности „обязанность“ публичное, а не частное—*jus publicum*, но не *privatum*.

Пора же намъ ясно сознать и самымъ дѣломъ выражать, что мы чада единой Церкви и братья не только въ тѣ краткіе моменты когда стоимъ въ храмѣ и молимся, когда дѣйствительно составляемъ единообразно настроенное общество, но и по выходѣ изъ храма, когда разсыпаемся по своимъ домамъ или по засѣданіямъ въ разныхъ нами сочиненныхъ обществахъ, совершенно забывая о своемъ болѣе высшемъ сочленствѣ и братствѣ, связующими силами котораго служатъ единство вѣры, единство духовнаго рожденія, единство таинственнаго питанія Тѣломъ и Кровію Христа: приходъ, епархія, вся русская Церковь—вотъ общества, по которымъ въ качествѣ непремѣнныхъ и дѣятельныхъ членовъ должны распредѣлиться *прежде всего* всѣ православно-русскіе христіане.

И вотъ намъ думается, что если бы наши іерархи, наши пастыри, наши ревностные о церкви міряне и монашествующіе съ большимъ усердіемъ и энергіею заботились и дѣйствовали объ исправленіи этого кореннаго недостатка въ нашемъ церковномъ сознаніи, чѣмъ это дѣлали доселѣ, то указываемое нами „обновленіе“ и „полнота“ церковнаго организма явились бы сами собою; тогда сама церковная жизнь сочетала бы іерархическій и общественный элементы церковнаго устройства и управленія въ такія формы и учрежденія которыя далеко совершеннѣе проектируемыхъ нашими, т. е. моими и Л. А. Тихомирова статьями.

Н. Заозерскій.